

О ПРОЕКТЕ КОРПУСНОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В.А. ПЛУНГЯН

plungian@iling-ran.ru

д-р филол. наук, профессор,
член-корр. РАН,
зам. директора
Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия

Н.М. СТОЙНОВА

stoyanova@yandex.ru

канд. филол. наук,
научный сотрудник
Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия

Ключевые слова:
*русский язык,
грамматика,
корпусные методы*

В статье дается общая характеристика принципов новой грамматики русского языка, создаваемой на основе Национального корпуса русского языка в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Современный русский язык в целом относится к числу достаточно хорошо исследованных: существует немало общих грамматик русского языка (научных, учебных, справочных и т.п.), а частным вопросам русской грамматики посвящены многие тысячи работ. Из научных описаний русского языка, рассчитанных в первую очередь на специалистов (хотя не исключающих и более широкую аудиторию), наиболее известны две так называемые академические грамматики под редакцией В.В. Виноградова (1960 г.) [5] и Н.Ю. Шведовой (1980 г.) [18] (с последней тесно связана предшествовавшая ей «Грамматика современного русского литературного языка» [6] и последовавшая за ней «Краткая русская грамматика» [14]), а также «авторские» монографические описания [1, 3, 10, 20, 21] и ряд других, из которых стоит специально упомянуть не часто цитируемый сжатый очерк В.В. Панова [16: 55–122], содержащий немало оригинальных для своего времени идей.

Однако с течением времени потребность в грамматике русского языка нового типа осознавалась все отчетливей. Существенно изменился сам объект описания: русский язык конца XX и начала XXI в. уже во многом отличается от языка, лежащего в основе последних классических грамматик; следует учитывать, кроме того, что даже лучшие из этих грамматик в основном опирались на язык русской классической

и официальной советской литературы, оставляя тем самым за рамками описания большие пласты даже современного им материала. Кроме того, сейчас мы имеем в своем распоряжении гораздо больше доступных языковых данных (в том числе корпусных) и – не в последнюю очередь благодаря интенсивному развитию лингвистической типологии в конце XX в. – гораздо больше знаем о том, какой должна быть «идеальная» описательная грамматика.

Сказанное объясняет необходимость новых проектов, нацеленных на создание современной описательной грамматики русского языка нового типа. Об одном из них, в настоящее время выполняемом в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН силами большой группы исследователей из Москвы и Санкт-Петербурга, и пойдет речь ниже. Его участники обычно называют этот проект «корпусной грамматикой русского языка». Целью такого проекта, как следует из названия, является описание представительного фрагмента русской грамматики на материале значительного по объему корпуса – в этом качестве выбран хорошо известный Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru), создававшийся в значительной степени тем же самым коллективом исследователей.

Хотя задуманное в рамках этого проекта описание, разумеется, опирается на все предыдущие работы и по возможности учитывает все то, что было сделано предшественниками, от всех прежних исследований оно отличается прежде всего стратегией обращения с языковым материалом. Появление такого ресурса, как Национальный корпус русского языка, позволяет ввести в рассмотрение значительно более обширный и разнообразный массив данных, причем возможной становится не только качественная, как во всех существующих грамматиках, но и количественная характеристика описываемых явлений; углубленному изучению оказываются доступны и такие аспекты (не всегда отражавшиеся в предыдущих описаниях), как языковая вариативность, «малые» диахронические изменения, соотношение продуктивных и непродуктивных явлений и ряд других.

Корпусная грамматика адресована как специалистам в области русистики, корпусной лингвистики, общей теории языка, так и более широкому кругу читателей, в том числе и всем тем, кто обращается к грамматическим описаниям русского языка в справочных целях (учащимся, преподавателям, редакторам и т.п.).

Ниже читателю будет вкратце представлен формат корпусной грамматики, основные методологические и теоретические установки,

которых придерживаются ее авторы, а также текущее состояние проекта.

1. Структура описания

Планируемое грамматическое описание будет состоять из двух больших разделов, условно называемых «морфологическим» (он включает описание словообразования, словоизменения и грамматических категорий) и «синтаксическим» (он включает описание явлений, относящихся как к элементарным клаузам, так и к полипредикативным структурам). Отдельный небольшой раздел составят статьи обзорного характера, дающие общее представление о базовых семантических понятиях, используемых в морфологическом и синтаксическом разделах, и о центральных неграмматизированных категориях (это такие статьи, как «Модальность», «Семантические роли», «Дейксис» и др.). Фрагментарно планируется представить уровень дискурса. Полностью за рамками настоящего описания оказываются фонетика и лексика.

На данном этапе корпусная грамматика организована как собрание отдельных статей, в целом сохраняющих содержательную и композиционную самостоятельность, но связанных друг с другом сетью перекрестных ссылок. Статьи имеют различный объем (примерно от 10 до 100 тыс. знаков); каждая из них является авторской и может отражать специфику индивидуальной авторской трактовки обсуждаемых проблем (не случайно само использование применительно к минимальным единицам описания термина «статья» вместо более привычного «раздел» или «параграф»). Наиболее детально описаны именные и глагольные грамматические категории, работа над остальными частями грамматики продолжается.

2. Формат статей корпусной грамматики

Несмотря на разнородность статей корпусной грамматики, обусловленную в том числе и индивидуальными отличиями авторских теоретических установок и научного стиля (авторским и редакторским коллективом намеренно не проводилось жесткой унификации статей ни на содержательном, ни на формальном уровне), статьи отражают некоторые общие принципы и обладают сходными элементами композиционной структуры.

Жанр статей можно в целом охарактеризовать как дескриптивный. Однако помимо этого они (в большем или меньшем объеме) содержат и обзорную часть, в которой кратко представлены существующие точки зрения на описываемое явление (в частности, концепции и терминология традиционной русистики, как правило, сопоставляются с подходами,

принятыми в работах по типологии и общей теории языка). Доля оригинальных исследований в статьях различается: в некоторых случаях она значительна (это естественно при обращении к ранее не рассматривавшемуся обширному эмпирическому материалу), другие статьи имеют в большей степени реферативный характер (часто это реферат исследовательских работ самого автора статьи). Включение в статью не полностью оригинальных фрагментов не только допускается, но и приветствуется (особенно если автор статьи обращается к материалу неопубликованных докладов, диссертаций, курсовых и дипломных работ, часто труднодоступных, и т.п.): это объясняется жанром грамматического описания, являющегося прежде всего справочным изданием, аккумулирующим опыт других исследователей. Разумеется, во всех таких случаях приводятся ссылки на соответствующие работы.

Каждая статья начинается с «определения», в котором дается краткая характеристика описываемого явления. За ним следует сжатый «синопсис» статьи, далее сам текст (единого жесткого композиционного шаблона авторами и редакторами грамматики не предполагается) и завершающий статью список использованной литературы (к каждой статье дается отдельная библиография). Все статьи снабжены также отдельным списком основной литературы (избранная библиография по теме, в том числе не только работы по русистике, но и теоретические и типологические работы). В некоторых статьях имеется самостоятельный раздел «Статистика», в который вынесены общие количественные характеристики описываемого явления, в других количественные данные приводятся в основном тексте статьи.

3. Материал описания

Основной эмпирической базой описания является, как уже было сказано, Национальный корпус русского языка: почти все количественные и большинство «качественных» утверждений в статьях даются именно относительно этого массива данных и верифицируются им же; это делает представленные описания более конкретными и проверяемыми по сравнению с традиционными. Используются примеры, взятые главным образом из основного подкорпуса Национального корпуса. Объем этого подкорпуса в настоящее время составляет около 270 млн словоупотреблений. В качестве вспомогательных – в зависимости от конкретной цели – эпизодически привлекаются и данные других подкорпусов (устного, мультимедийного, поэтического, газетного и т.п.). Также в некоторых фрагментах описания приводятся данные не

всего доступного массива текстов, а специально подобранных пользовательских подкорпусов (например, только текстов со снятой омонимией, только художественных текстов, часто – только современных текстов (созданных после 1950 г.) и т.п.). В качестве вспомогательного эмпирического материала – особенно если речь идет о низкочастотных и окказиональных явлениях – в ряде случаев используются языковые примеры, найденные с помощью различных поисковых систем в Интернете.

Таким образом, настоящее описание (как и другие грамматики русского языка) ориентировано преимущественно на письменные тексты. Однако диапазон жанров, стилей и авторов этих текстов максимально разнообразен: в рассмотрении включены не только художественные (как в большинстве предшествующих описаний), но и научные, технические, официально-деловые тексты. Не пренебрегают авторы описаний и образцами неформальной спонтанной коммуникации (в том числе интернет-коммуникации) – особенно в тех случаях, когда такие типы текстов содержат нетривиальные грамматические явления; в то же время систематическое исследование языковых особенностей подобных текстов находится за рамками настоящего издания. Временной диапазон текстов – с начала XVIII по начало XXI в. – также несколько шире, чем в традиционных грамматиках, ориентирующихся преимущественно на литературные тексты с XIX по середину XX в. Такая установка позволяет ввести в описание большую временную динамику и выявить интересные тенденции эволюции грамматической системы русского языка на протяжении последних 300 лет его существования (в духе той программы, которая была в свое время намечена в многообещающих исследованиях В.В. Виноградова [2] и особенно в коллективных «Очерках по исторической грамматике русского языка» [15], но по разным причинам не получила существенного развития в последующие годы).

4. Теоретические и методологические принципы описания

Общих теоретических установок, которых в большей или меньшей степени твердо придерживались бы все авторы статей, как кажется, только три, но все они достаточно принципиальны – и не вполне обычные для жанра традиционного грамматического описания. Это, во-первых, ориентация на эмпирически верифицируемые и квантитативные данные, во-вторых, теоретическая нейтральность и открытость и, в-третьих, типологический ракурс описания. Остановимся на этих принципах

немного подробнее, так как для понимания специфики настоящей публикации читателю важно представлять их себе эксплицитно.

А. Ориентация на эмпирические данные

Как следует из сказанного выше, настоящее описание более жестко, чем традиционные, привязано к определенному массиву данных, на которых оно эмпирически верифицируется: это весь обширный материал Национального корпуса русского языка. Описание безусловно следует приоритету реальных языковых (т.е. корпусных) данных по отношению к потенциальным (в отличие от многих современных лингвистических теорий, особенно «формальных»); соответственно, всюду в статьях по возможности минимизированы искусственные примеры, отрицательный языковой материал («примеры под звездочкой») и данные интроспекции. Этот принцип, однако, не доведен до абсурда: в тех местах, где подобный материал оказывается полезен или единственно доступен, он привлекается; там же, где ему есть возможность противопоставить эмпирические данные, — предпочитают последние.

Б. Теоретическая нейтральность и открытость

Предлагаемое описание жестко не привязано ни к одной из существующих лингвистических теорий, что защищает его от распространенной опасности «устареть вместе с теорией», и призвано обеспечить его доступность широкому кругу читателей. В частности, все авторы сборника намеренно избегают использования формального аппарата и узкоспециальных терминов, замкнутых в рамках определенных теоретических систем, предпочитая общепонятные и неформальные описания¹. Употребляемые термины — в том числе и достаточно известные — подробно поясняются. При этом описание мыслится как теоретически «открытое»: иначе говоря, перед авторами стояла задача, насколько это возможно, учесть и интегрировать результаты, полученные в рамках самых разных лингвистических подходов.

В. Типологический ракурс

В соответствии с установкой, которая представляется очень важной всему авторскому коллективу, материал русского языка подается в настоящем описании с типологической точки зрения. В частности, традиционной для русистики терминологии в большинстве случаев предпочитается терминология общетипологическая,

делающая описание доступным и не-русисту и открывающая возможности для дальнейшего межъязыкового сопоставления. При необходимости в иллюстративных целях приводятся сопоставительные данные других языков (хотя опять же такое сопоставление не является самоцелью). В состав описания предполагается включить также две отдельные обзорные статьи обобщающего характера — типологический очерк русской морфологии и типологический очерк русского синтаксиса.

В этом отношении данное описание отчасти следует в русле таких работ, как недавняя монография Ю.П. Князева [12], являющаяся существенным шагом в области создания типологически ориентированной грамматики русского языка². Важным проявлением этой теоретической особенности настоящего описания является то, что исследуемые явления русского языка оцениваются с точки зрения их типологической частотности/уникальности и существования потенциальных аналогов в языках мира. Эмпирические данные русского языка — насколько это возможно — встраиваются авторами в различные классификации, разработанные типологами, и объясняются с точки зрения общих закономерностей, выявленных на типологическом материале. Так, например, в статьях, посвященных средствам релятивизации — причастиям и относительным придаточным, данные русского языка сопоставляются с типологической «иерархией доступности» Кинэна — Комри (иерархией, которая ранжирует синтаксические позиции по способности выступать в качестве позиции релятивизации).

Принятая в описании типологическая ориентация объясняет и то, что в рассмотрение зачастую включаются некоторые относительно периферийные для русского языка, но типологически существенные явления, важные для общей характеристики языковой системы. Так, например, в статье «Переходность» (А.Б. Летуцкий) детально описано такое свойство, как лабильность — способность глагола употребляться как в переходных, так и в непереходных контекстах без изменения в его морфологии (ср. *вода льет* и *он льет воду*). Будучи характерной для очень небольшой группы русских глаголов, лабильность подробно не освещалась в грамматиках русского языка (по крайней мере в такой терминологии); в настоящем же

¹ Как известно, «всякое хорошее формальное описание может быть изложено и неформально» [11: 43].

² Монография Ю.П. Князева, в свою очередь, опирается на идеи Петербургской типологической школы, а также на подход «Теории функциональной грамматики» под ред. А.В. Бондарко (1987–1996), в которой факты русского языка играют центральную роль в развиваемой этим кругом авторов грамматической теории.

описании ей уделено, возможно, даже чрезмерное с интралингвистической точки зрения внимание на том основании, что в языках мира она достаточно распространена и информация о лабильности в русском языке релевантна для межязыкового сопоставления.

Таким образом, в целом можно охарактеризовать корпусную грамматику русского языка как грамматику нового типа – дескриптивную, теоретически нейтральную, корпусно-ориентированную, с отчетливым вниманием к количественному и типологическому аспектам описания; кроме того, данная грамматика отличается от предшествующих учетом значительно большего массива данных и большим временным диапазоном описываемых явлений (включая тем самым и некоторый диахронический компонент).

Говоря о корпусном подходе, следует специально отметить, что его возможности оказываются особенно эффективны, в частности, при изучении следующих четырех групп явлений.

Вариативность всех типов

Выше уже отмечалось, что языковая вариативность, остающаяся в тени в традиционных грамматических описаниях, ориентированных на норму и/или интроспекцию исследователя и несвободных от соблазнов сознательного и бессознательного прескриптивизма, особенно успешно изучается именно корпусными методами. Более того, корпус в каком-то смысле способствует выявлению вариативности в гораздо большем числе локусов языковой системы, чем это было принято считать ранее. Описание вариативности начинает интересовать русистов в 60–70-х гг. XX в. на фоне общего интереса к использованию количественных методов в лингвистике. Появляются подробный инвентарь зон вариативности в русской грамматике и его обсуждение [7]; позже эта проблематика обсуждается на более современном материале [19]. Материал Национального корпуса позволяет вернуться к этой проблеме на новом уровне.

Особенно ценным корпусный материал оказывается при обращении к так называемым свободным вариантам. Под «свободными» обычно подразумевают варианты языковых единиц (морфем / аналитических показателей / синтаксических конструкций и т.п.), равно допустимые в разных контекстах и типах текстов на уровне качественных оценок («грамматично/неграмматично», «возможно/невозможно»). Однако количественный анализ практически всегда обнаруживает между ними значительные, хотя часто и незаметные при поверхностном взгляде различия.

Так, в статье «Действительное причастие прошедшего времени» (С.С. Сай) анализируются

морфонологические варианты причастий от глаголов на *-нуть* типа *сохший/сохнувший*: доля употреблений с *-ну* у причастий в среднем выше, чем у финитных форм, бессуффиксальные основы чаще используются у приставочных глаголов, чем у бесприставочных, и очень велики индивидуальные различия между глаголами. В статье «Относительное придаточное» (М.А. Холодилова) приводятся количественные данные по употреблению в Корпусе синонимичных синтаксических структур вида *девушка, чья жизнь* и *девушка, жизнь которой*: их частота коррелирует с одушевленностью и синтаксической позицией обладаемого.

«Микродиахронические» языковые изменения

Тема синхронной вариативности тесно смыкается с темой «микродиахронических» сдвигов. Для большинства статей планируемой корпусной грамматики характерно внимание к этому аспекту: с точки зрения авторского коллектива, полнота описания не достижима без соединения синхронного описания фактов со знанием об их диахронической эволюции. В этом отношении «строго синхронная ориентация» описания является, вообще говоря, не просто иллюзорной, но и методологически нежелательной установкой. Подобный взгляд в лингвистике второй половины XX в. в принципе не раз высказывался (в частности, Дж. Гринбергом и многими другими теоретиками); в русистике ранние образцы плодотворного применения такого подхода можно найти в ряде работ французских славистов П. Гарда и М. Гиро-Вебер («бисинхронный метод» [4]). Близкая идеология отстаивалась в последних работах В.М. Живова [8]. Появление корпусов существенно усилило позиции сторонников подобных взглядов: это как раз тот случай, когда инструмент описания оказывается напрямую связан с выбором теоретической установки исследователя (подробнее об этом см. [17: 7–20]).

Настоящее описание, как уже говорилось, мыслится как ориентированное на современный русский язык в максимально широком временном диапазоне, т.е. на период с XVIII по XXI в. Однако за три века в языке, естественно, происходят достаточно существенные изменения – как заметные «невооруженным глазом», так и выявляющиеся только на уровне количественных оценок корпусных данных. Материал Национального корпуса предоставляет для такого рода оценок достаточно возможностей.

В качестве примера того, как информация о микродиахронических изменениях представлена в корпусной грамматике, приведем материал из статьи «Сравнительная степень

на *по-*» (Д.В. Сичинава). Данные Национального корпуса, обсуждаемые в статье, показывают, что диахроническое развитие префиксальной степени сравнения в русском языке носит волнообразный характер. Ее частотность растет от XVIII в. к середине XIX в., но в последней четверти XIX в. форма на *по-* начинает употребляться существенно реже. Она «возрождается» с 1910-х гг. и к середине XX в. достигает прежнего уровня, который с того времени относительно стабилен. Именно в этот момент за *по-* закрепляется значение небольшой степени различия и становятся маргинальными сочетания типа *гораздо по-больше, почаще всего* и т.д.

Сочетаемость

Особое внимание к сочетаемости языковых единиц характерно для многих лингвистических теорий XX–XXI вв. (в том числе и для тех исследователей, которые, как Анна Вежбицкая или А.Е. Кибрик, считают сочетаемость ключом к более точному и глубокому описанию семантики).

Корпус и в этом случае предоставляет исследователю очень мощные технические возможности, позволяя естественным образом включить в грамматическое описание подробную информацию о сочетаемости на разных уровнях: о сочетаемости морфем, словоформ, конструкций друг с другом, о возможности употребления той или иной морфемы при определенном классе лексем, той или иной формы в определенном синтаксическом контексте и т.п.

Так, в статье «Число» (О.Н. Ляшевская) с помощью статистических методов анализируются количественные данные по соотношению форм единственного и множественного числа, образованных от лексем разных семантических классов (среди имен лиц, например, противоположным образом по этому параметру ведут себя этнонимы, сочетающиеся преимущественно с показателями множественного числа, и термины родства, сочетающиеся преимущественно с показателями единственного числа). Статья «Предложный второй» (М.А. Даниэль) снабжена выявленным по Корпусу списком лексем, для которых форма второго предложного падежа (*в лесу, в тени*) наиболее характерна. В статье «Рефактивный префикс *пере-*» (Н.М. Стойнова) приводятся данные по плеонастическому употреблению глаголов на *пере-* в контексте наречия *заново*: наиболее частотны в этом контексте оказываются те глаголы, которые в силу своей семантики не предполагают отмены прежнего результата для достижения нового (такие как *переписать, переосмыслить...*).

Отклонения от общих правил и «закрытые классы» единиц

Особое внимание в настоящем описании уделяется также разного рода «маргиналиям» — исключениям, отклонениям от общих правил, непродуктивным явлениям, закрытым и ограниченным классам лексем. Р.О. Якобсону приписывается утверждение, что он хотел бы видеть такую грамматику, в которой при перечислении языковых фактов и примеров никогда не встречались бы слова «и так далее»: все приводимые списки были бы исчерпывающими³. В лингвистике XX в. подобная стратегия описания редка — одним из известных исключений является знаменитая монография А.А. Зализняка [9], но в этой работе речь идет о словоизменении, где избежать «и так далее» в некоторой степени проще. Во всяком случае, появление корпуса и здесь оказывает исследователю мощную поддержку, позволяя во многих случаях представить описываемый массив данных как конечный. Материал Национального корпуса оказывается достаточно представительным для того, чтобы учесть подобного рода информацию.

Так, например, в статье «Нереферентные местоимения на *нибудь*» (Е.В. Падучева) по Корпусу проверены все логические комбинации вопросительно-относительных местоимений с *нибудь*, приведена соответствующая количественная информация (например, 0 употреблений для *?насколько-нибудь*, 4 употребления для *отчего-нибудь* и 20 613 для *кто-нибудь*), а также для каждого местоимения — сопоставительные данные по частотности исходного вопросительно-относительного.

5. Авторский коллектив, организация работы и текущее состояние проекта

В проекте по написанию корпусной грамматики русского языка принимает участие большая группа лингвистов из Москвы и Санкт-Петербурга — более 20 человек (среди них — Е.Р. Добрушина, Н.Р. Добрушина, Ю.П. Князев, Г.И. Кустова, А.Б. Летучий, О.Н. Ляшевская, Е.В. Падучева, О.Е. Пекеллис, Е.В. Рахилина, С.С. Сай, Д.В. Сичинава, М.А. Холодилова и мн. др.). Коллектив проекта принципиально неоднороден и работает в тесном сотрудничестве, что призвано обеспечить необходимую полноту, методологическую корректность и теоретическую открытость описания. Это представители разных школ, лингвисты с несхожими исследовательскими интересами, навыками работы, теоретическими

³ См., например: Вяч. Вс. Иванов. О Романах Якобсоне (Главы из воспоминаний) // Звезда. 1999, № 7.

взглядами, методологическими установками, в том числе русисты, лингвисты-теоретики, специалисты по корпусным и количественным методам, типологи.

Координацию работы осуществляет Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Там, в частности, проводится еженедельный открытый семинар, на котором участники проекта представляют для обсуждения рабочие версии статей корпусной грамматики.

Каждая статья готовится специалистом в соответствующей области, обсуждается на семинаре, а после проходит письменное научное редактирование. Затем статьи размещаются на сайте www.rusgram.ru.

К настоящему моменту на сайте – в предварительных версиях, которые в окончательном варианте описания могут быть в той или иной степени переработаны, – доступны сорок восемь статей, еще около пятидесяти находятся в работе. Задумана также серия публикаций «Материалы к корпусной грамматике русского языка», призванная познакомить читателя с форматом

новой грамматики. В ней будут постепенно печататься отдельные статьи, которые позже планируется включить уже непосредственно в грамматику. Первый в этой серии сборник («Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I», ответственный редактор В.А. Плунон) уже подготовлен и находится в печати. Он содержит шесть статей, посвященных отдельным фрагментам глагольной системы. Готовится к печати второй сборник – «Материалы к корпусной грамматике русского языка. Морфосинтаксис. Часть II». В него планируется включить четыре синтаксических статьи (описывающих полипредикативные конструкции) и четыре статьи из морфологического раздела, охватывающие проблематику, смежную с той, что затрагивается в синтаксических статьях⁴.

Проект открыт для всех заинтересованных участников; настоящее обсуждение мы рассматриваем как полезную возможность привлечь к русской корпусной грамматике внимание более широкой аудитории, в том числе такой важнейшей группы потенциальных читателей, критиков и сотрудников, как преподаватели русского языка. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1934.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
4. Гиро-Вебер М. Бисинхронный метод описания прилагательного в предикативной позиции в современном русском языке // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Под ред. А.В. Бондарко. СПб., 1996.
5. Грамматика русского языка / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1960. Т. I–II.
6. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970.
7. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи (опыт частотно-стилистического словаря вариантов). М., 1976.
8. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII вв. М., 2004.
9. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
10. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. I–II. Братислава, 1954–1960.
11. Кибрик А.Е. Лингвистические постулаты // А.Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
12. Князев Ю.П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
13. Корпусные исследования по русской грамматике: Сборник статей / Под ред. К.Л. Киселевой, В.А. Плунона, Е.В. Рахилиной, С.Г. Татевосова. М., 2009.
14. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М., 1989.
15. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века / Под ред. В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой. М., 1964.
16. Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. Индоевропейские языки / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1966. Т. I.

⁴ Условно к этой серии можно отнести и публикацию «Корпусные исследования по русской грамматике» [13], авторы которой в основном представляют тот же исследовательский коллектив и разделяют его идеологию. Сборник 2009 г. содержит, однако, статьи исследовательского, а не дескриптивного плана, не сходные по форме и содержанию и не связанные непосредственно с проектом последовательного корпусного описания русского языка.

17. Плу́нган В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2).
18. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. Т. I–II.
19. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI вв. / Под ред. Л.П. Крысина. М., 2008.
20. Garde P. Grammaire russe: Phonologie et morphologie. Paris, 1980.
21. Timberlake A. A reference grammar of Russian. Cambridge, 2004.

V.A. Plungian, N.M. Stoynova

ON A PROJECT OF CORPUS-BASED GRAMMAR OF RUSSIAN

Russian language, grammar, corpus-based approach.

The paper provides a general overview of the principles underlying a new grammar of Russian language based on Russian National Corpus. The project is carried out at Vinogradov Russian Language Institute of RAS, Moscow.

СИМПОЗИУМ «РУССКАЯ ГРАММАТИКА 4.0»

«Первое, что надо сделать, – нормативную академическую грамматику русского языка в новой парадигме, с когнитивных позиций. Все говорят о том, что мы перешли на когнитивную парадигму, но преподавание в школе и вузах ориентируется на «Граматику-80», которая выполнена в структурно-системном аспекте. Это тот нормативный материал, который используется в работе со студентами и школьниками. Я согласна, что нужно делать несколько томов, и первый том нужно сделать как можно быстрее. Тогда уже по-другому будет вестись преподавание русского языка».

Л.А. Араева, профессор Кемеровского государственного университета (Россия)

«Это мероприятие очень актуально для белорусских преподавателей РКИ, поскольку мы надеемся найти здесь ответы на свои самые злободневные вопросы. У нас накопилось много проблем, наиболее значимые из которых – отсутствие центров сертификационного тестирования, необходимость приведения к единообразию учебно-методических материалов. Нам важно увидеть все то, что имеет место на российском и мировом рынках образовательных услуг, чтобы попытаться «примерить это на себя». Для нас важно также обсудить проблемы существования русского языка на постсоветском пространстве. От участия в симпозиуме ожидаем новых друзей, единомышленников, новых контактов, новых проектов».

*Т.Н. Мельникова, зав. кафедрой белорусского и русского языков
Белорусского государственного медицинского университета (Белоруссия)*

«Симпозиум русистов – вещь необходимая с точки зрения науки, но с точки зрения прикладного применения полученных знаний это не менее значимо. Живое обсуждение важных проблем необходимо для нашего профессионального сообщества ничуть не меньше, чем научные доклады, которые звучат с трибун. Важно говорить о практическом применении русского языка в самых разных коммуникативных ситуациях. Для этой цели нами был создан проект «Современный русский» для самой широкой аудитории – школьников, студентов, зарубежных русскоязычных журналистов. Такие проекты несут гуманитарную миссию. И на симпозиуме мы находим подтверждение этому».

*Т.Н. Скок, директор департамента
инновационных лингвистических проектов «МКР-Медиа» (Россия)*